

Р.И. Плиев
Пятигорский государственный университет

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА (АДЫГСКИЕ И ВАЙНАХСКИЕ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ)

Научная статья посвящена анализу этнополитического развития Северного Кавказа в начале девятнадцатого века. В рамках исследования проводится комплексный анализ специфики расселения многочисленных этнических групп на территории региона, выявляется специфика их этногенеза и взаимоотношений с другими региональными этносами, а также приводятся данные о взаимодействии народов Северного Кавказа с Российской империей. Сравнительный анализ социально-экономического и политического развития автохтонных вайнахских и адыгских народов, а также не автохтонных народов, проживавших в их непосредственном окружении, повышает актуальность работы, позволяя ей стать источником информации, которую можно использовать в формировании национальной политики на современном Северном Кавказе как поликультурном регионе.

Этнос, этнополитическая картина, этногенез, трансформация, кавказская война, адыгские народы, вайнахи, черноморский регион, интеграция, конвергенция.

Одной из ключевых особенностей Северного Кавказа на всем протяжении его исторического развития являлось этническое, лингвистическое и культурное разнообразие. На относительно небольшом участке суши, образующем северокавказский регион, на протяжении многих столетий совместно проживали представители нескольких десятков автохтонных и не автохтонных народностей, отличающихся особенностями своего политического, экономического и культурного уклада. Полиэтничность Северного Кавказа, сохраняющаяся в значительной степени и на современном этапе его развития, была ключевой характерной чертой региона и в начале XIX века, и данный фактор оказывал большое влияние на сложный процесс освоения Российской империей северокавказских земель [9, с. 24].

Важной особенностью этнической картины Северного Кавказа в начале XIX века являлось отсутствие строгих линий разграничения между населяющими его народами. Недостаточная степень институционального развития политических институтов, а также отсутствие традиции государственности у народов Северного Кавказа сформировали в регионе достаточно аморфную этнополитическую структуру, в рамках которой все попытки создания точной картины расселения местных этносов носили достаточно условный характер. Другой важной проблемой, затрудняющей задачу формулирования структуры этнополитического устройства Северного Кавказа в начале XIX века, является недостаточное количество письменных источников, разъясняющих особенности исторического расселения народов Северного Кавказа и миграционных процессов, определявших региональную этническую карту [6, с. 15].

Вместе с тем использование материалов, собранных русскими исследователями, военными и полити-

ческими деятелями на территории Северного Кавказа в период Кавказской войны, позволяют сформировать достаточно подробный отчет о специфике расселения северокавказских этносов в начале XIX века. К числу основных этнических сообществ Северного Кавказа первой половины XIX века в наиболее общей форме можно отнести представителей адыгского этноса, населявшего большую часть северо-западного Кавказа, вайнахские народы, населявшие междуречье рек Аксая и Камбилеевки, многочисленные народы Дагестана, осетинский этнос, а также переселенцев с территории Российской империи, прежде всего русское население [6, с. 45].

Крупнейшей этнической группой северокавказского региона к началу девятнадцатого столетия, безусловно, являлись адыги, расселившиеся на обширных пространствах Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья. Само наименование адыгов, или черкесов, на протяжении большей части девятнадцатого века употреблялось европейскими, турецкими и персидскими исследователями в отношении практически всего населения территории, расположенной между Черным и Каспийским морями [8, с. 65]. Данное наименование локальных народов черкесами носило не всегда точный характер по двум причинам. Во-первых, реальный этнический состав региона носил намного более сложный и противоречивый характер, о чем свидетельствуют более поздние исследования, а во-вторых, сама структура адыгского этноса, проживавшего на данных обширных территориях, в силу исторических и культурных причин, а также этногеографического контекста, была многогранным феноменом. Так, уже к началу XIX века, в рамках условно единого адыгского этноса, уже выделялось около сорока локальных образований, или

племен, к числу которых относились жанеевцы, шапсуги, мохоши, темиргоевцы и так далее [7, с. 134].

Несмотря на сложный состав адыгского этноса, под единым историческим самоназванием адыгов, или черкесов, в начале XIX века понималось автохтонное население северо-западного Кавказа, насчитывавшее по меньшей мере 1,7 миллионов человек. Пространственное расселение адыгского этноса носило значительный по региональным меркам характер. Адыги населяли территорию от черноморского побережья на западе до реки Уруп на востоке. Северной границей расселения адыгского этноса являлась река Кубань. Данная территория представляла собой пространство компактного проживания адыгских сообществ со второй половины восемнадцатого века и вплоть до тридцатых годов XIX века, когда события Кавказской войны и связанные с ней миграционные процессы привели к значительному ослаблению этнического преобладания и численного превосходства адыгов в регионе [10, с. 54].

Несмотря на количественное преобладание адыгов над другими этническими сообществами северо-западного Кавказа, их отношения с ними носили дружественный характер, и процесс ассимиляции адыгами других этносов носил достаточно распространенный характер. Так, наравне с адыгами на территории северо-западного Кавказа проживали представители таких национальностей, как черкесогаи, греки-урумы, горские евреи, абазины и ногайцы. На первоначальном этапе сосуществования микроэтносов греков-урумов и армян-черкесогаев с адыгами отношения народов носили равноправный характер, однако в дальнейшем, на фоне численного превосходства адыгов, происходил постепенный процесс ассимиляции адыгами соседних микроэтносов, и в конечном итоге последние усвоили адыгский язык, восприняли основополагающие нормы адыгского этикета – адыгэ хабзэ – и с точки зрения культурного самоопределения единственной значимой областью различия народов стала их конфессиональная принадлежность.

Важное место в контексте анализа этнополитической картины Северного Кавказа начала XIX века занимает анализ роли кабардинского народа как важного элемента более широкого адыгского этноса. Исторически компактные группы кабардинцев постепенно расширяли пространство своего расселения от территории Пятигорья к западу от реки Терек в шестнадцатом веке и вплоть до берегов реки Сунжи к семнадцатому веку. К началу XIX века кабардинцы уже освоили значительную часть Северного Кавказа. Так, территория Малой Кабарды к 1807 году на севере достигала правобережья реки Сунжи, на востоке ограничивалась левым берегом Сунжи, на юге достигала реки Камбелеевки, а на западе ограничивалась берегами реки Лескен. При этом уже на этом этапе развития Кабарды ее пространственное расширение носило постоянный характер, поскольку геополитическое противостояние Российской империи и Османской империи вынуждало кабардинских князей постоянно перемещаться на больших пространствах центральной части северокавказского региона [5, с. 76].

Таким образом, если рассматривать многочисленные группы адыгского этноса как единый этнос, мы

можем отметить, что в первой половине XIX века наиболее многочисленным народом Северного Кавказа с самой обширной территорией расселения являлись адыги, занимавшие ряд областей Причерноморья, Закубанья и Центрального Кавказа. В адыгской среде и по соседству с ними жили представители других этносов – черкесские армяне, греки-урумы, евреи, ногайцы, абазины. Но изменения внешнеполитической ситуации, связанные с осуществлением военно-колониционной политики Российской империи, затем значительно изменили этнический облик Северо-Западного Кавказа [2, с. 53].

Наряду с адыгским населением Северного Кавказа, значительную роль в формировании этнической картины региона в начале XIX века играли горские народы Дагестана, а также горцы-вайнахи (чеченцы и ингуши). Вайнахское население Северного Кавказа являлось автохтонным для региона, и утверждение царской администрации на территории Кавказа в конце XVIII и начале XIX века сформировало необходимость построения новых отношений между горцами-вайнахами и представителями империи. С географической точки зрения в начале XIX века вайнахские народы занимали территории, охватывавшие пространство от течения реки Терек на севере до Кавказского хребта на юге, и междуречье реки Акташ на востоке и верхнего течения реки Терек на западе. К началу девятнадцатого столетия в среде единого вайнахского этноса наметился процесс выделения двух родственных, но все же отдельных народов – чеченцев (нохчий) и ингушей (гIалгIай). В соответствии с логикой этнического разделения, также наметилось географическое разделение территории проживания вайнахского этноса на два подрегиона – Чечню и Ингушетию [1].

На протяжении большей части XIX века в вайнахских сообществах происходил сложный процесс трансформации этноса, в рамках которого, с одной стороны, наметился процесс разделения единства вайнахов (в переводе с ингушского и чеченского языков «наши люди») на чеченцев и ингушей, а с другой стороны, развивался процесс дробления внутри самих новообразовавшихся этносов, поскольку отдельные части вайнахского сообщества, к примеру карабулаки (ортсхой) и аккинцы (аьккхий), не относили себя ни к одному из новообразованных этносов, а рассматривали себя в качестве отдельных этнических групп. События Кавказской войны, неоднозначные отношения российских колонизаторов с горскими народами, а также процессы распространения ислама на Кавказе, лишь ускоряли и усложняли данные тенденции в регионе [8, с. 86].

Ингушская ветвь вайнахского этноса формировалась на протяжении XVIII века на западном крае территории проживания вайнахов, а именно на берегах рек Камбелеевки, Сунжи и Ассы, и граничила с территориями компактного проживания осетин – районом Ларса. Процесс формирования ингушского этноса носил сложный характер и сопровождался значительными миграционными процессами, вызванными давлением со стороны кабардинцев и осетин. Важнейшим фактором, определявшим развитие ингушского этноса в начале XIX века, являлся

наметившийся уже в конце предыдущего столетия процесс переселения ингушей с горных районов на равнины. Данный процесс шел параллельно с укреплением российско-ингушских отношений, поскольку именно гарантии царской администрации позволяли ингушам целенаправленно осуществлять миграцию на равнинные пространства, ранее усложняемые претензиями кабардинских князей на эти земли. Правовой и институциональной основой, создавшей предпосылки для переселения ингушей на равнину, стал договор между

Российской империей и крупнейшими ингушскими общинами о подданстве последних российской короне, подписанный в 1810 году, согласно которому ингуши получили право на поселение на правом берегу реки Терек и на хребте кабардинских гор [4, с. 78]. Таким образом, характеризуя отношения ингушского этноса с Российской империей в конце XVIII и начале XIX века, можно сделать вывод о том, что эти отношения носили относительно дружественный и гармоничный характер, поскольку союз народов позволял им в полной мере реализовать свои интересы [3, с. 174].

Если отношения России и ингушской части вайнахского этноса можно считать взаимовыгодными, то отношения Российской империи с чеченским этносом носили намного более сложный характер. К началу XIX века чеченские сообщества занимали территории правого берега Сунжи, междуречье Сунжи и Терека, а также равнину между реками Гудермес и Фортанга. Историческое проживание чеченцев на своих территориях, а также уникальная бесклассовая структура чеченского общества, в рамках которой правила поведения регулировались нормами обычного права, а также постепенное укрепление позиций исламской религии на территории Чечни, стали основными факторами территориального, культурного и ценностного конфликта между чеченскими сообществами и царской администрацией в начале XIX века. Именно жесткий антагонизм чеченского этноса и его стремление к сохранению собственной независимости перед лицом военной машины и бюрократической системы Российской империи стали одной из основных причин сложного течения Кавказской войны для обеих воюющих сторон.

Таким образом, подводя итоги проведенному нами исследованию этнической карты Северного

Кавказа в начале XIX века, мы можем сделать однозначный вывод о том, что сложная структура локального этнического расселения, противоречивая история взаимоотношений местных автохтонных народов, а также усиливавшаяся динамика трансформации этнических сообществ создали на Северном Кавказе весьма напряженную социально-экономическую, политическую и культурную конъюнктуру. Данный факт, в свою очередь, стал важным фактором региональной нестабильности, усилил позиции антироссийских движений на Северном Кавказе в период Кавказской войны и осложнил интеграцию региона в состав Российской империи.

Литература

1. Абрамов, Я. В. Кавказские горцы / Я. В. Абрамов. – Краснодар, 1928. К истории переселения горцев. – 456 с.
2. Аджигова, А. М. К вопросу о социально-экономическом и политическом строе вайнахов в XIX веке / А. М. Аджигова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvoprosu-o-sotsialno-ekonomicheskom-i-politicheskom-stroe-vayna-hov-v-hih-v> (дата обращения: 22.01.2024). – Текст : электронный.
3. Боков, Ф. П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (теоретико-методологический аспект) / Ф. П. Боков. – Грозный, 1990. – 153 с.
4. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы / П. Г. Бутков. – Санкт-Петербург, 1869. – 474 с.
5. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. : сборник статей / под редакцией Н. П. Грищенко. – Грозный, 1981. – 394 с.
6. Волкова, Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. / Н. Г. Волкова. – Москва : Наука, 1974. – 357 с.
7. Гарданов, В. К. Общественный строй адыгских народов. (XVIII – первая половина XIX в.) / В. К. Гарданов ; АН СССР. Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1967. – 331 с.
8. Дебу, И. О Кавказской линии / И. О. Дебу // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2001. – Т. 1. – 215 с.
9. Bell, J. Journal of residence in Russia during the years 1837, 1838 and 1839 / by James Stanislas Bell. – London, 1840. – 235 p.
10. Gilles, F. Lettres sur le Caucase et la Crimée / F. Gilles. – Paris, 1859. – 264 p.

R.I. Pliev

ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN THE NORTH CAUCASUS AT THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY

(ADYGHE AND VAINAKH COMMUNITIES IN CONDITIONS OF HISTORICAL TRANSFORMATION)

The article is devoted to the ethno-political development of the North Caucasus at the beginning of the nineteenth century. The study provides a comprehensive analysis of the settlement of numerous ethnic groups in the region, reveals the specifics of their ethnogenesis and relationships with other regional ethnic groups, and also provides the data on the interaction of the peoples of the North Caucasus with the Russian Empire. A comparative analysis of the socio-economic and political development of the autochthonous Vainakh and Adyghe peoples, as well as non-autochthonous peoples living in their immediate environment, proves the relevance of the work, allowing it to become a source of information that can be used in the formation of national policy in the modern North Caucasus as a multicultural region.

Ethnos, ethno-political picture, ethnogenesis, transformation, the Caucasian war, Adyghe peoples, Vainakhs, the Black Sea Region, integration, convergence.